

УДК 37.03

**В поисках «духовных скреп»: проблемы социокультурной интеграции
российского общества**

Е.Е. Андросова

*Студент, кафедры «Программное обеспечение ЭВМ и информационные
технологии» МГТУ им Н.Э. Баумана, г. Москва, Россия*

*Научный руководитель: Галаганова С.Г., доцент кафедры «Политология»
МГТУ им. Н.Э. Баумана, г. Москва, Россия*

МГТУ им. Н.Э. Баумана

Eandrosova@list.ru

12 декабря 2012 года в ходе оглашения ежегодного Послания Президента РФ Федеральному собранию была затронута проблема духовного единения общества. «Сегодня российское общество испытывает явный дефицит духовных скреп», – сказал В.В. Путин. «Духовная скрепа», по его словам, это то, что «всегда, во все времена исторические делало нас крепче, сильнее, чем мы всегда гордились». Что же может «скрепить» нас сегодня? Каковы те, присущие любой культуре, любому народу духовно-нравственные и культурные «нити», которые, протягиваясь из прошлого в настоящее, могли бы связать население страны в единый народ, укрепить его дух, мобилизовать на коллективный созидательный труд ради общих целей? Эти вопросы стали предметом заинтересованного обсуждения как в СМИ, так и в социальных сетях. Не претендуя на исчерпывающие ответы и однозначные выводы, мы обратим внимание на некоторые аспекты поставленной проблемы, представляющиеся нам заслуживающими внимания.

На языке гуманитарной науки «духовные скрепы» называются системообразующими элементами национальной (общенародной) культуры. Речь идёт о таких идеях, представлениях, верованиях, стереотипах, которые входят в ядро всех подсистем данной культуры – художественной, политической, религиозной,
<http://sntbul.bmstu.ru/doc/566160.html>

хозяйственной и т.д. Это, действительно, «скрепы» – они скрепляют культуры самых разных социальных групп со своими особыми интересами в единое целое. Но перед тем как пытаться выделить их, необходимо вспомнить, откуда проистекает тот набор интересов, идеалов и норм, который соединяет людей в общество, порождающее, в свою очередь, государство. Исследователи отвечают на этот вопрос однозначно: из антропологической модели, т.е. представлений о человеке как социальном существе, из ответа на вопрос: «Что есть человек, живущий в обществе?». Как известно, эти представления существенно разнятся, а иногда и кардинально отличаются в различных культурах, цивилизациях, общественных укладах. В разные исторические периоды они могут несколько видоизменяться, но в целом духовно-нравственный и культурный вектор народа остаётся неизменным на протяжении всей его истории. Что же представляет собой традиционная русская (российская) антропологическая модель?

Культурное ядро России всегда основывалось на идее соборной личности: человек человеку – брат. Отсюда – представления о социальной справедливости: справедливое общество – это сообщество «братьев и сестёр», семья, где сильный помогает слабому, никто ни с кем не конкурирует, не присваивает продукты чужого труда, где всё решается и делается сообща и делится по справедливости. Отсюда и русская рабочая артель, и крестьянская община (которую не удалось сломать Столыпину), и негативное отношение к стяжательству, любым формам нетрудового дохода – от деревенских «кулаков» до «буржуев», и идеал русского коммунизма – общества-общины, и требование национализации земли и заводов, и «властная вертикаль» в форме народных советов, и многое другое. Характеристика «хороший товарищ», означавшая надёжность, готовность помочь, честность, порядочность, всегда воспринималась как гораздо более значимая, нежели «успешность» и «эффективность». «Сам погибай, а товарища выручай» – в тяжёлые периоды истории эта суворовская «скрепа» не только делала нас «крепче и сильнее», но и спасала от коллективной гибели, а в мирное время позволяла эффективно решать крупномасштабные хозяйственные задачи.

Ещё один характерный элемент общенациональной духовной традиции – спокойно-равнодушное отношение к «земному» – деньгам, богатству, накопительству, житейскому благополучию, успеху, комфорту. Только у нас богатые люди уходили в монастыри, предварительно раздав всё своё состояние; только у нас давали «в долг», не ожидая отдачи; только у нас были не спонсоры («помощники» ради последующей прибыли), а благодетели (бескорыстные «делатели блага», добра), только у нас родилась поговорка «бедность – не порок». Приоритет духовного по отношению к материальному направлял энергию народа на творчество, самообразование, самосовершенствование; он

позволил создать «страну мечтателей, страну учёных», одолевшую фашизм и первой вышедшую в космос.

Русский культурно-исторический тип – человек-служитель: не эгоист-потребитель, сконцентрированный на «себе, любимом», а личность, «развёрнутая вовне», находящая высшую радость в заботе о ближнем, помощи слабому, работе на общий результат, служении Богу, Родине, своему народу, своим близким. Искренняя благодарность окружающих для такой личности неизмеримо дороже материального вознаграждения; она способна к осознанному самоограничению и самопожертвованию ради более высоких целей, идей, принципов.

Из этого следует ещё один системообразующий элемент культуры всех народов, населяющих Россию, – культ героев и праведников, их общенародное почитание. Очень характерна в этом отношении русская поговорка «Не стоит село без праведника»: она означает, что людям – даже простым крестьянам – трудно, невозможно жить без идеала, без примера для подражания. Образы Александра Невского, Дмитрия Донского, патриарха Гермогена, Минина и Пожарского, героев Великой Отечественной войны, наравне с образами литературных героев, всегда служили безусловными символами достойно прожитой жизни, символами мужества, благородства, духовного совершенства.

Особо следует отметить укоренённую в общественном сознании идею справедливости как непреложного требования к жизнеустройству, политике, экономике, поведению отдельных людей. Жизнь «не по правде», непорядочность, нечестность глубоко оскорбляла людей; именно борьба за социальную справедливость (а не за материальное благополучие) питала в России народные бунты и революции. Оскорбляет она их и сегодня. Вот выводы из доклада Института социологии РАН «Двадцать лет реформ глазами россиян» : «Самое распространённое по частоте его переживания – чувство несправедливости всего происходящего вокруг. Это чувство, свидетельствующее о нелегитимности в глазах россиян самого миропорядка, сложившегося в России, испытало в апреле 2011 года хотя бы иногда подавляющее большинство всех россиян (более 90%), при этом 46% испытывали его часто. На фоне остальных негативно окрашенных эмоций чувство несправедливости происходящего выделяется достаточно заметно, и не только своей относительно большей распространённостью, но и очень маленькой и весьма устойчивой долей тех, кто не испытывал соответствующего чувства никогда – весь период наблюдений этот показатель находится в диапазоне 5 – 7%» (3, с.14). Авторы доклада приходят к обоснованному выводу: «Это свидетельствует не просто о сохраняющейся нелегитимности сложившейся в России системы общественных

отношений в глазах её граждан, но даже делегитимизации власти в глазах значительной части наших сограждан, идущей в последние годы» (там же).

Какие же конкретные чувства вызывает у людей открытое поправление властью традиционных для народа принципов социальной справедливости? «В первую очередь, – читаем в докладе, – чувство стыда за нынешнее состояние своей страны. Стыд за страну ... связан с отрицанием сложившегося ныне в России «порядка вещей», «правил игры», которые представляются людям не только несправедливыми, но и позорными» (3, с.15). А далее фиксируется ещё более интересный и важный момент: «При этом новой тенденцией последних лет является почти полное исчезновение связи чувства стыда за страну и всего блока негативных чувств с доходом респондента: если ещё пять лет назад наблюдалась отчётливая концентрация оскорблённых и возмущённых людей в низкодоходной группе населения, то сейчас они достаточно равномерно распределены по всем группам. Это означает, что если раньше эти чувства вытекали, прежде всего, из недовольства своим личным положением, то сейчас это следствие несовпадения реальности с социокультурными нормами, широко распространёнными во всех слоях россиян, что также говорит об идущих процессах делегитимизации власти. При этом в последние годы чувство стыда за свою страну довольно быстро нарастает» (там же).

Вот уже более двадцати лет традиционные принципы и духовно-нравственные установки народа подвергаются разрушению – как самим коррупционно-спекулятивным укладом современной России, так и целенаправленно, со стороны российских СМИ. Возможно ли восстановление вышеназванных «духовных скреп» в обществе нищих и олигархов, где презираются «неудачники» и превозносятся «преуспевшие», где изо дня в день в общественное сознание внедряется культ индивидуализма, гедонизма, наживы, где идеалы солидарности подменены идеей всеобщей конкуренции, где место героев заняли «публичные люди»? Речь идёт о целенаправленной деформации тех самых «духовных скреп», о которых упомянул Президент РФ, что по сути дела означает уничтожение самого народа: ничем не скреплённая система обречена на распад (а для иных «скреп» нужен иной народ, которого, как свидетельствуют социологи, в России нет).

В связи с проблемой выделения системообразующего ядра современной российской культуры активно обсуждается возможное участие в выработке «национальной идеи» русской православной церкви. Это предполагает выделение некой мировоззренческой доминанты, признанной обществом в качестве высшего смысла общественного бытия, общей идеи, пронизывающей все сферы жизнедеятельности социума, определяющей его самосознание. Понятно, что в самом православии, как и в любой другой религии, эта доминанта носит чисто религиозный характер, что исключает

её общенациональное бытие. И тем не менее «выход есть»: на наш взгляд, он состоит в идеологическом самоопределении светского по форме российского общественного сознания относительно фундаментальных духовно-нравственных христианских ориентиров. Проблема полиэтничности и поликонфессиональности России изначально снимается здесь принципиальной общностью этих ориентиров для всех наших традиционных религий. Именно в этом религиозно-интегрирующем смысле и должны быть декларированы христианские основы российской идеологии. Подобная перспектива не ущемит и права атеистов: в отличие от «государственной религии», её «исповедание» не является обязательным и допускает полную духовную свободу.

Религиозный аспект присутствует, как известно, в любой идеологии, и это многое проясняет в политике. Идеология либерализма, вот уже более двадцати лет усиленно прививаемая народам России, также имеет вполне конкретный религиозный источник – крайне американизированный вариант протестантизма, приправленный оккультной мистикой. Искусственное наложение чужеродной духовной матрицы на российское самосознание и создаёт тот мучительный социально-экономический, политический и культурно-исторический диссонанс, от которого страдает общество. Однако интеграция православия в российский социум должна осуществляться не «напрямую» (через социальные институты), а опосредованно, «окружным» путём, предоставляя обществу именно то, в чём оно нуждается и что способно вместить без ломки своего светского характера, а именно – позитивную систему норм и ценностей. Невозможность клерикализма в современном обществе не исключает иного вида «духовных скреп» – власти идеи. Именно в форме идей осуществляется проникновение духовных истин в человеческое сознание и их превращение в поведенческие императивы. Поэтому «национальная идея», претендующая на духовную власть в обществе, должна не замещать и не отрицать церковь, а лишь транслировать её истину в общественное сознание и практику.

«Духовные скрепы» существуют не только в виде очевидных идей, символов, понятий, но и на более глубоком, мировоззренческом уровне. Человек (особенно малообразованный) может о них «ничего не знать», но они всё равно незаметно определяют его поведение. К числу таких «незаметных» установок можно отнести присутствие в традиционном русском менталитете чётких понятий Истины, Правды, Добра, Красоты, равно как и их антиподов. Понятно, что сам факт наличия неких незыблемых принципов и табу требует от человека готовности защищать их. В этом смысле агрессивное насаждение «толерантности» и «политкорректности» может означать попытку формирования иного, чуждого для России типа личности индивидуалиста-

потребителя, безразличного ко всему и всем, кроме собственного благополучия. Человек, для которого что-то по-настоящему дорого, никогда не сможет быть «толерантным» и «корректным» к осмеиванию объектов его почитания и любви, глумления над ними – возмутившись, он обязательно встанет на их защиту. Однако сегодня у нас такой человек рискует быть обвинённым в узости кругозора, негибкости мышления, «упёртости», «фанатизме». Если «флюгеры» без убеждений и принципов составляют большинство профессиональных политиков, политика неизбежно превращается в циничную, хотя и увлекательную, игру, в оторванную от общества, работающую на саму себя «фабрику власти»; если они составят большинство народа, искать для этого народа «духовные скрепы» станет занятием абсолютно бессмысленным.

Всё вышесказанное свидетельствует, на наш взгляд, о том, что проблема духовно-нравственных опор культуры, делающих общество единым народом, является важнейшей задачей общегосударственной политики; её решение требует активного включения соответствующих социальных подсистем – семьи, школы, художественной культуры, церкви и, конечно же, СМИ.

Список литературы

1. Антонов Михаил. Договориться с народом. – М.: Алгоритм, 2012;
2. Дронов Иван. Русские и капитализм. – М.: Современник, 2013;
3. Двадцать лет реформ глазами россиян. – М.: Институт социологии РАН, 2011;
4. Кара-Мурза Сергей. Россия и Запад: парадигмы цивилизаций. – М.: Академический Проект, 2011;
5. Социальное развитие и духовно-нравственный мир современной личности: проблемы российского общества. – М.: Центр прикладных научных исследований, 2012;
6. Устинов Альберт. О простом советском человеке... // Наш современник, № 2, 2012.